

Хроника научной жизни

XV ЛЕОНТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ: ИГНОРИРОВАНИЕ, КОНКУРЕНЦИЯ ИЛИ СОТРУДНИЧЕСТВО?

Традиционная конференция, организуемая ежегодно Международным центром социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», в 2016 году стала площадкой для творческой встречи политологов и экономистов. Это прямо отражено и в названии конференции. Такие междисциплинарные конференции довольно редки. Конечно, случается, что какой-нибудь экономист случайно «забредет» на конференцию политологов или наоборот. Однако целенаправленно такие встречи не организуются, и в результате представители близких социальных наук обычно находятся в полном неведении о происходящем на «чужой» территории. А зря!

Прошедшая конференция показала, что им есть не только что сказать друг другу, но и взаимно обогатить друг друга собственными представлениями о мире. Так получилось, что в работе форума экономисты и политологи участвовали практически на паритетных началах: выступили 9 экономистов и 7 политологов. Первыми слово взяли политологи.

В докладе *А. Ю. Сунгурова* (д.полит.н., руководитель департамента прикладной политологии НИУ ВШЭ, СПб) в центре внимания находился вопрос об экспертных функциях политической и экономической науки. Докладчик рассмотрел три возможные модели взаимодействия экспертного сообщества и власти. Во-первых, модель «предоплаченного результата» (подкрепляющая функция), во-вторых, линейно-автономная модель (инструментальная и легитимизирующая функции), в-третьих, модель действенных оснований. Последняя сосредоточена на проблеме способов лучшего достижения желаемой публичной цели через интеграцию науки и политики. Подкрепляющая функция в силу меньшего числа «фабрик мысли» и более слабого корпоративного контроля сильнее выражена у политологов (по мнению автора доклада, существуют «телевизионные политологи», но нет «телевизионных экономистов»). Инструментальная функция больше востребована у экономистов, в то время как модель действенных оснований позволяет интегрировать знания и открывает поле для сотрудничества политологов и экономистов.

В. Я. Гельман (к.полит.н., Европейский университет в Санкт-Петербурге) озаглавил свой доклад «Политологи, экономисты и Russian Studies: что нового удалось узнать?». Вначале прозвучала информация о том, что в 2014 году в США восстановили программу финансирования Russian Studies Title VIII, созданную в 1983 году в русле логики «знай своего врага». Были рассмотрены этапы развития Russian Studies и сделан вывод об U-образной форме их динамики в графическом представлении: расцвет «советологии» в годы холодной войны, ее упадок в 1990-е годы и, наконец, возврат к страновому исследованию в результате разочарования в транзитологии. Были выделены основные парадигмы современных Russian Studies. Пессимисты привержены

историко-культурному детерминизму, обрекающему Россию на авторитаризм в обозримом будущем. Оптимисты рассматривают Россию как «нормальную страну», экономическое развитие которой выведет ее к демократии. Реалисты видят ключевую роль элит и групп особых интересов в строительстве авторитаризма после распада СССР. Докладчик полагает, что трудно ожидать возврата к подходам времен холодной войны, но можно предположить, что эта программа будет находиться в фокусе внимания исследователей. Однако не очевиден ответ на вопрос: позволит ли изучение российского эмпирического материала сказать новое слово в социальных науках?

И. М. Бусыгина (д.полит.н., МГИМО, Москва) поставила вопрос о том, как политологи «уточняют» экономистов в исследованиях пространственной неравномерности мирового развития. Если экономисты сосредоточены на качестве институтов, что было показано на примере ряда работ Дарона Асемоглу и других авторов, то политологи обращают внимание и на географию институтов. Согласно исследованиям политологов негативное влияние на развитие страны могут оказывать нестабильность и особенно гражданские войны «по соседству». И в то же время хорошее качество институтов в соседних странах содействует прогрессу страны. Для успеха экономической политики и экономических реформ важны институциональные политические условия (политический режим, характеристики государства, степень политической децентрализации и др.). Поэтому без усилий политологов экономистам не обойтись.

П. А. Ореховский (д.э.н., Институт экономики РАН, Москва) обратил внимание на политологический и экономический российские дискурсы на примере работ Глеба Павловского, Симона Кордонского и Александра Аузана. По мнению докладчика, большинство обществоведов объединяет критическое, если не сказать негативное, отношение к российским властям. Однако языки этой критики очень разные, и описывают они очень разные реальности. В *политологии* важнейшим концептом является «народ», демократия понимается как «правление народа». В *социологии* «народа» нет, есть «этнические факторы», влияющие на поведение социальных групп. Они некоторым образом складываются в «общество». В *экономике* есть «домохозяйства», «фирмы» и «государство». Они равноправны и вступают в отношения обмена между собой, назначая цену за те или иные блага. Реальности пересекаются, когда начинается разговор об *институтах*. Политология становится частным случаем социологического дискурса. Экономисты-институционалисты претендуют на то, чтобы сделать социологию частным случаем экономической теории.

Для *А. В. Стародубцева* (к.полит.н., НИУ ВШЭ, СПб) центральное значение имел ответ на вопрос: «Как политологи изучают реформы?» Политологи изучают государство, в то время как экономисты — реформы. Экономистам удалось создать *policy science*, тогда как политологи лишь претендуют на ее формирование.

В. Л. Тамбовцев (д.э.н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) поставил два вопроса: что такое «политика» и что такое «политическое»? Проанализировав множество различных определений, докладчик предложил следующее видение проблемы: политика — совокупность *намерений* и *представлений* о допустимых способах действий по их реализации, принимаемых каким-либо субъектом по отношению к той или иной сфере взаимодействий индивидов. Всякая политика характеризуется: (а) субъектом, (б) объектом, (в) намерениями, (г) способами действий субъекта. *Направление* (вариант) *политики* при данных А и Б — одно из сочетаний вариантов В и Г. Однако *политическая политика* — более узкое понятие. Это — совокупность намерений и допустимых способов действий по

их реализации, имеющаяся у некоторого субъекта относительно того, какие типы индивидов могут быть допущены к занятию властных позиций в структурах организации, каковы эти структуры и каковы полномочия позиций в них.

П. В. Усанов (к.э.н., Институт экономики и права им. Фридриха Хайека, СПб) говорил о политологии, созданной авторами австрийской школы в рамках экономической теории. Он отметил, что экономическая теория дает универсальное знание, а политология показывает, как его реализовать. Людвиг фон Мизес ассоциируется в первую очередь с последовательной экономической теорией, Фридрих фон Хайек — с корректной политической философией (связь между демократией и капитализмом и т.п.), а Мюррей Ротбард — с вопросами политической тактики. Докладчик считает, что в идеале экономисты открывают универсальные законы экономики, а политики, зная их, реализуют их демократическим путем, то есть через просвещение.

С. А. Афонцев (д.э.н., ИМЭМО, Москва) уделил внимание возможностям междисциплинарного синтеза в области экономики и мировой политики. Наряду со специалистами в области экономической и политической науки к исследованиям вопросов экономической политики в последние десятилетия присоединились представители международной политической экономии (МПЭ) — дисциплины, занимающейся изучением экономического измерения мировой политики. Было подчеркнуто отсутствие единства в определении методологического фундамента МПЭ. С одной стороны, прослеживается тенденция к адаптации специалистами в области международных отношений концептуального аппарата экономической науки и попытки «встраивания» его в привычные для международных аналитических схемы. С другой стороны, имеет место прямое заимствование моделей и аналитических приемов, разработанных в рамках основного течения современной экономической науки, чему способствуют специалисты в области теории общественного выбора.

Известный польский экономист *М. Домбровский* (Центр социально-экономических исследований, Варшава, Польша) представил сравнительный политико-экономический анализ институциональных реформ в странах бывшего СССР. Он подчеркивал важность наличия способности использовать «окно возможностей». Эта способность определяется, в частности, институциональным наследием («эффект колеи»), организацией «победителей», способностью компенсировать потери «проигравших», внешней поддержкой (импорт институтов и технических знаний, финансовая поддержка). Он обратил внимание на вторые и дальнейшие попытки реформирования после незавершенности первых шагов. В частности, в России он относит к этим попыткам 1993, 1995, 1997—1998 и 2000—2002 годы. В случае Украины как этапы вторичных и последующих реформ докладчик выделяет 1994—1995, 2005—2006, 2010—2011 и 2014—2016 годы и указывает на издержки запоздалого реформирования (потерянное время, перекося).

Е. В. Балацкий (д.э.н.) и *Н. А. Ефимова* (к.э.н.) (Центр макроэкономических исследований Финансового университета при Правительстве РФ) представили альтернативную оценку институционального развития России. Один из выводов, сделанных в обзоре, заключался в том, что при оценке России просматривается явная тенденциозность западных аналитических агентств, сдвигающая ее на периферию всех международных рейтингов. По мнению докладчиков, это противоречит наблюдаемым и аналитически доказанным фактам. Была предложена альтернативная разработка, названная базовым индексом институционального развития (БИИР). Его структура

включает: политическую стабильность, политическую свободу, экономическую стабильность, экономическую свободу, социальную стабильность и социальную свободу. В итоге количественного анализа БИИР России за 1999—2013 годы был сделан следующий главный вывод: в России сложилась институциональная модель развития, суть которой состоит в создании значительного объема политических, социальных и экономических гарантий путем ущемления различных видов свободы.

Далее была рассмотрена проблема экономического империализма и его границ. Первым докладчиком в этой секции был *А. Я. Рубинштейн* (д.э.н., Институт экономики РАН, Москва). В докладе «Рациональность, патернализм и институты консоциативной демократии» он развил семь тезисов. Во-первых, патернализм возникает там, тогда и постольку, где, когда и поскольку поведение людей оценивается как нерациональное или признается неэффективной институциональная среда, в которой они действуют. Во-вторых, патернализм чреват рисками монополизации власти государством, которое часто дрейфует в сторону «Левиафана». В-третьих, имеет место запрос общества на ограничение «диктатуры большинства». В-четвертых, важна демократическая коррекция патернализма на основе принципа «рассредоточения власти» («консоциативная демократия» Лейпхарта). В-пятых, необходимо достраивание теории опекаемых благ концепцией консоциативной демократии («консоциативный патернализм»). В-шестых, патернализм, развиваясь во времени и пространстве, претерпевает институциональную эволюцию с явно выраженной либеральной направленностью. И наконец, в-седьмых, российская экономическая политика если бы и была либеральной, то, проводимая методами архаичного патернализма, шансов на успех не имела бы.

А. П. Заостровцев (к.э.н., Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр» и НИУ ВШЭ, СПб) трактует теорию общественного выбора (ТОВ) как экономическую революцию в политологии. ТОВ представляет собой экономическую политологию: предмет совпадает с предметом политологии, но при этом применяется экономический метод — методологический индивидуализм. Революционная роль ТОВ состоит в первую очередь в том, что она постулирует в деятельности государства наличие того же мотива, что и у стандартного экономического агента: эгоистическую максимизацию собственной полезности. При этом речь идет не о некоем целом (ТОВ напрочь отвергает холизм), а о том, что государство — это инструмент частных (индивидуальных и коллективных) интересов. На этом была выстроена теория «провалов государства». Однако, выступая за ужесточение конституционных ограничений государства-«Левиафана», основатели ТОВ обнаружили, что формальных ограничений недостаточно. Необходимо «переделать мышление». В этом конституционная политическая экономия сомкнулась с институциональной теорией Дугласа Норта, который отводил убеждениям роль главной детерминанты общественного порядка. В итоге был сделан вывод о том, что объяснение основанного на убеждениях выбора цели требует понимания природы убеждений, их происхождения, распространения и воспроизводства, что лежит за пределами традиционного анализа как экономики, так и политологии.

Доклад *М. В. Ильина* (д.полит.н., НИУ ВШЭ, Москва) был посвящен вопросу способности политэкономического империализма помочь формированию эволюционного институционализма. Исходное предположение состояло в том, что помимо предметных областей знаний существуют также

познавательные способности, которые охватывают разные предметные области знания. Данные способности могут быть развиты и консолидированы в научные органы или в инструментальные познавательные системы. Далее можно начать разработку на базе этих способностей методологических систем, которые рассматривались бы как своего рода органы-интеграторы. На их роль может претендовать, например, математика, семиотика, морфология, компаративистика, тектология. По мысли докладчика, имеет смысл превратить эволюционный институционализм в общую эволюционную морфологию — в трансдисциплинарный органон.

В. С. Мартыанов (к.полит.н., Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург) говорил о политических пределах экономического человека. Взлет и падение модели экономического человека как рационального максимизатора полезности являются отражением общей исторической траектории рынка и изучающей его экономической теории. Отмечалось, что в отличие от математики непротиворечивость и эстетическая красота больших теорий в области общественных наук совершенно недостаточны для оценки их истинности и эффективности относительно действительности (практики), к которой планируется применить эти схемы. По прогнозу докладчика, следует ожидать этнополитического поворота экономической теории. Вероятно, сокращение рыночных обменов и расширение иерархических, дистрибутивных обменов ресурсами усиливает роль государства. Кроме того, можно ожидать усиления роли факторов и регуляторов развития, ранее успешно выносимых в экономическом мейнстриме за скобки, — таких как институты, ценности и социальный капитал. На горизонте будущего возникает утопия нового рентного общества, где развитие перестает быть тождественно экономическому росту, традиционно определяемому конкурентными свободными рынками, трудом и капиталом.

В докладе *О. В. Поповой* (д.полит.н., Санкт-Петербургский государственный университет) было представлено актуальное исследование политической лояльности российской молодежи в условиях экономического кризиса. Его основные результаты говорят о высокой степени инерционности оценок молодежью происходящих в России процессов. Доминируют положительные оценки происходящих в стране событий при достаточно пессимистических оценках экономического положения собственного региона. Доля максимально лояльной в отношении государственной власти молодежи составляет около 40%. Протестный потенциал молодежи относительно высокий (около 37%), но при этом показатели реализованности участия этой группы в протестных действиях остаются предельно низкими (не более 7% группы, потенциально готовой к участию в протестных акциях, имеют такой опыт). Политическое сознание молодежи может быть охарактеризовано как фрагментированное и мозаичное.

Ю. В. Кузнецов (к.э.н., заместитель главного редактора журнала «Экономическая политика», Москва) в своем докладе обратился к одному из самых ранних примеров «экономического империализма» в истории науки — к описательной и нормативной теории государства как производителя неких благ или услуг, таких, например, как правосудие. Согласно традиционной экономической теории государства, оно производит блага, характеризующиеся такими качествами, которые делают их производство на свободном рынке субоптимальным с точки зрения критерия Парето-эффективности, — общественные блага. Вмешательство государства позволяет увеличить производство таких благ за счет налогового финансирования, причем потери налогоплательщиков ком-

пенсируются увеличением производства блага, в котором они заинтересованы, и в целом ситуация становится более эффективной по Парето. Однако это теоретическое построение не учитывает, что у таких благ, как правосудие, связанных с применением принуждения, всегда есть сторона, которая проигрывает в полезности (перемещается на более низкую поверхность безразличия). Это означает, что увеличение производства такого блага за счет налогов или иных источников может не быть более эффективным по Парето, если *учитывать полезности всех членов общества*. Поэтому стандартная экономическая теория государства неявно основывается на нормативном суждении, требующем игнорировать потери полезности для некоторых членов общества. Источником нормативных суждений такого рода может быть только нормативная социальная и политическая философия, а потому попытку «экономического империализма» в данном случае следует признать провалившейся.

В заключительной части Леонтьевских чтений состоялась традиционная церемония вручения Международных Леонтьевских медалей «За вклад в реформирование экономики» лауреатам 2015 года. Их удостоились *Я. М. Уринсон* (советник председателя правления ООО «УК РОСНАНО») и израильский экономист *Гур Офер* (профессор Еврейского университета в Иерусалиме). Как обычно, лауреаты выступили с докладами. В докладе Я. М. Уринсона «Экономические реформы в России — спустя четверть века» были даны оценки свершившихся реформ, этапов пройденного пути и сформулированы новые задачи. Сосредоточимся на последних. Согласно точке зрения докладчика, необходима решительная модернизация, которая предполагает согласованное продвижение по трем направлениям: политика, институты, экономика. В политике предстоит перейти от государственного патернализма к социальному партнерству. Следует осуществить преобразование патерналистского режима и обеспечить многопартийность. Необходимо добиться верховенства права и ввести общественный контроль за бюрократией и бизнесом. Второе направление — модернизация институтов. Здесь минимально необходимый пакет включает следующие элементы: защита прав собственности, справедливая конкуренция, верховенство закона. Третье направление — модернизация экономики. Как для мировой, так и для российской экономики определяющим фактором устойчивого роста сегодня становится ресурсосбережение. Темпы экономического развития базируются не на вовлечении в оборот дополнительных материальных ресурсов, а на интеллектуальных технологиях, на наиболее полном использовании человеческого капитала.

Профессор Гур Офер стоял у основания Российской экономической школы (РЭШ). Его доклад был посвящен воспоминаниям о становлении современного экономического образования в России. Многие выпускники РЭШ уезжают за рубеж для получения степени PhD. Но РЭШ создает и находит для многих из них адекватные их квалификации рабочие места в России. Поэтому, как считает Гур Офер, происходит не «утечка мозгов», а их «циркуляция».

На этом XV Леонтьевские чтения завершили свою работу, но организаторы постараются выбрать не менее плодотворное поле для дискуссий для следующей встречи, запланированной на февраль 2017 года.

Андрей Заостровцев
кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
МЦСЭИ «Леонтьевский центр»